

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛІСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 в 16 каждаго
мѣсяца.

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привисливскій, на принесенное поздравленіе по случаю Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича былъ осчастливленъ слѣдующей Всемилоостивѣйшей телеграммой:

„Сердечно благодарю васъ, владыко, варшавское епархіальное духовенство и духовную консисторію за поздравленіе и молитвенныя благопожеланія Мнѣ, Государынямъ Императрицамъ и всей Нашей Семьѣ.

НИКОЛАЙ“.

Телеграмма эта послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующую денешу Высокопреосвященнаго:

Спала. Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссійскому.

„Въ день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича Варшавское епархіальное духовенство и духовная Консисторія вмѣстѣ со мною, помолившись Господу Богу о вождедѣльномъ здравіи, долгоденствіи и благополучіи Вашего Императорскаго Величества, Государынь Императриць, Наслѣдника Цесаревича и Августѣйшей Вашей Семьи, въ чувствѣ горячей любви и преданности повергаютъ къ стопамъ Вашимъ одушевляющія насъ вѣрноподданинческія чувства, да сохранить Господь Богъ представельствомъ Свяителя Алексія, всея Россіи Чудотворца, Ваши Императорскія Величества, Его Высочество Наслѣдника Цесаревича и все Ваше Августѣйшее Семейство на многая лѣта“.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Волею Божіею умеръ 4-го сего Октября Настоятель Кѣлецкаго собора Протоіерей *Михаилъ Добрянскій*.

На вакансію Настоятеля Кѣлецкаго собора назначенъ б. помощникъ свящ. *В. Теодоровичъ* съ возведеніемъ въ санъ протоіерея, а помощникомъ настоятеля, по рукоположеніи его, назначается окончившій семинарію *П. Гинтовтъ* (8/X).

Утверждены, по избранію: старостой Рыпинской церкви—*Г. О. Зражевскій*, Опатовской церкви—*А. О. Бондаренко* на второе трехлѣтіе, Сташевской церкви—*В. А. Петровъ*.

Образованъ въ пос. Бускѣ временный церк.-стр. Комитетъ, председателемъ котораго утвержденъ Директоръ минеральныхъ водъ *Н. М. Воскресенскій* (30/X).

9-го сего Октября въ церковномъ домѣ Варшавской Св. Троицкой, что на Подвальной ул. церкви открыта церк.-прих. школа.

По ходатайству Его Высокопреосвященства отпущено изъ средствъ Св. Синода: 4.500 руб. на покрытіе расходовъ по окончанію новоостроенной церкви въ г. Сѣрадзѣ Калишской губ. и 13.980 руб. на расширеніе церкви въ пос. Граево Ломжинской губ.

ОТДѢЛЪ II.

Молебенъ о здравіи Наслѣдника Цесаревича.

Въ виду постигшей Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича болѣзни, 10 октября въ 11 ч. дня въ Варшавскомъ право-

славномъ соборѣ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго Высокопреосвященнымъ Николаемъ, Архіепископомъ Варшавскимъ и Привислинскимъ, въ сослуженіи соборнаго и многочисленнаго городского-епархiальнаго и военнаго духовенства, былъ отслуженъ молебенъ о скорѣйшемъ выздоровленіи Его Императорскаго Высочества съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ Александрѣ Теодоровнѣ и Маріи Теодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу Алексѣю Николаевичу и всему Царствующему Дому. Передъ началомъ молебна Высокопреосвященный Архіепископъ Николай сказалъ слово, обращенное, главнымъ образомъ, къ заповнившимъ соборъ учащимся всѣхъ учебныхъ заведеній Варшавы. Кромѣ учащагося юношества, собравшагося для молитвы объ Отрокѣ — Цесаревичѣ, на богослуженіи присутствовали: Главный Начальникъ края генераль-адъютантъ Г. А. Скалонъ съ супругою, кавалерственною дамою М. I. Скалонъ, помощникъ Варшавскаго Генераль-Губернатора егермейстеръ А. О. Эсенъ, генералы М. И. Стрижевъ, баронъ Е. А. Раушъ фонъ Траубенбергъ и другіе, гофмейстеръ сенаторъ Н. И. Посниковъ, шталмейстеръ баронъ С. Н. Корфъ, Попечитель уч. округа Г. В. Левицкій, директоръ канцеляріи Генераль-Губернатора Н. В. Харламовъ, оберъ-полицеймейстеръ г.-м. П. П. Мейеръ, начальники отдѣльныхъ частей и управленій военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, придворные чины, иностранные консулы, офицеры варшавскаго гарнизона и много другихъ молящихся.

Въ тотъ же день, Государю Императору благоугодно было осчастливить Варшавскаго Генераль-Губернатора слѣдующей телеграммой:

„Ея Величество и Я искренно благодаримъ васъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и все населеніе вѣреннаго вамъ края за молитвы объ исцѣленіи Наслѣдника и за выраженныя чувства любви и преданности, которыя Насъ глубоко тронули. По милости Божіей въ состояніи Его здоровья наступило улучшение.

НИКОЛАЙ*.

Означенная Высочайшая телеграмма была получена въ отвѣтъ на телеграмму генераль-адъютанта Скалона, составленную въ слѣдующихъ словахъ:

Спала. Его Императорскому Величеству.

Сегодня Высокопреосвященнымъ Николаемъ, въ сослуженіи всего православнаго духовенства города Варшавы, въ православномъ кафедральномъ соборѣ и прочимъ духовенствомъ въ храмахъ другихъ исповѣданій вознесены горячія молитвы Господу о скорѣйшемъ возстановленіи драгоценнаго здоровья Обожаемаго Наслѣдника Цесаревича.

Подвѣдомственные мнѣ военные и гражданскіе

чины, а также населеніе вѣреннаго мнѣ края, единодушно проникнутые общимъ чувствомъ искренней скорби по случаю постигшаго Его Высочество недуга, омрачившаго свѣтлые дни пребыванія Вашего Императорскаго Величества въ Привислинскѣй окраинѣ, просятъ меня повергнуть къ стопамъ Вашего Величества искреннія чувства вѣрноподданнической преданности и горячей любви, почерпающей нынѣ новый источникъ силы въ неразрывномъ духовномъ единеніи съ переживаемыми Вашимъ Величествомъ и Государынею Императрицею заботами объ исцѣленіи Августѣйшаго Сына и Наслѣдника Всероссийскаго Престола.

Дозвольте, Государь, и мнѣ присоединить выраженіе моихъ личныхъ чувствъ и благожеланій, согрѣтыхъ моею неизмѣнною вѣрнопреданностью Своему Вѣнценосному Повелителю и Державному Вождю войскъ, мною командуемыхъ.

Генераль-адъютантъ Скалонъ.

10 октября 1012 г.

РѢЧЬ,

сказанная въ Новомъ Соборѣ, по случаю болѣзни Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича.

Вчера, поздно вечеромъ, телеграфъ изъ Спалы принесъ намъ весьма прискорбное извѣстіе о тяжелой болѣзни Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Цесаревича. Болѣзнь эта держитъ въ своихъ объятіяхъ Наслѣдника Цесаревича уже не одинъ день... 5-го октября, въ день своего ангела, онъ былъ уже на одрѣ болѣзни...

Велика, безъ сомнѣнія, скорбь Августѣйшихъ родителей, но не малою скорбью отзовется эта болѣзнь Цесаревича и въ сердцахъ всѣхъ вѣрноподданныхъ. Русскій народъ искони тѣсно связанъ съ своими Царями и ихъ августѣйшимъ Семействомъ духовными узами. Поэтому—какъ всѣ радости Царя и его Семьи, такъ и всѣ скорби ихъ вызываютъ самый живой откликъ въ сердцѣ русскаго человѣка.

По ученію Слова Божія, — самымъ лучшимъ утѣшеніемъ въ скорби для скорбящихъ и болѣзную есть молитва Церкви (Іак. 5, 13—16): *болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне; и молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь.* Вообще, молиться за Царя и, конечно, за его семью,—по слову апостола—*добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тимоф. 2, 1—3).

Поэтому, вознесемъ наши усердныя молитвы Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ—Спасителю нашему Богу, да воздвигнетъ Онъ отъ одра болѣзни

юнаго Цесаревича, „надежду русскаго народа“, и да умножитъ дни и лѣта его живота въ непремѣняемомъ благополучіи. Аминь.

НИКОЛАЙ, Архіепископъ Варшавскій.

1912 г. 10 октября.

Варшава.

Б Е С Ъ Д А,

сказанная въ Суворовскомъ Кадетскомъ Корпусѣ
—въ день Покрова Божіей Матери.

*Помянухъ дни древнія и
поучихся во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ* (Псал. 142, 5).

Нынѣшній годъ въ жизни русскаго народа есть юбилейный годъ,—годъ историческихъ воспоминаній.

Сто лѣтъ тому назадъ наше Отечество постигло великое бѣдствіе: на Россію, безъ всякихъ къ тому серьезныхъ поводовъ, обрушился всею своею силою великій въ то время полководецъ—Императоръ Наполеонъ I-й, а съ нимъ — частію добровольно, а частію и недобровольно,—*двадцать языковъ*. Это была грозная сила: она равнялась 600.000 человѣкъ воиновъ, избалованныхъ побѣдами своего баловня судьбы—Наполеона.

Вся Западная Европа задыхалась тогда подъ игмомъ этого тирана. Съ государями онъ обращался, какъ съ мелкими чиновниками: однихъ лишая престоловъ, другихъ умаляя въ ихъ величіи, прекраввая границы государствъ, назначая своихъ маршаловъ и родственниковъ королями, герцогами и пр... Во всей Западной Европѣ царилъ одинъ законъ: это воля, а иногда и просто капризъ Наполеона...

Оставался только Императоръ Александръ и Россія внѣ сферы вліянія Наполеона. Это было невыносимо для тщеславнаго и самолюбиваго Корсиканца. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ втянуть въ сферу своего вліянія и русскаго Императора—онъ объявилъ войну Россіи. „Россія увлекается рокомъ,—говорилъ онъ на смотрѣ своихъ войскъ въ Вильковышкахъ,—судьба ея должна исполниться“. „Россія поставляетъ насъ между безчестіемъ и войной. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ. Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы“... Такъ началась та ужасная война, которая зовется въ нашей исторіи Отечественной войной и которая исполнена самаго возвышеннаго драматизма и, если можно такъ выразиться, *даже и поэзіи*.

Россія могла выставить противъ Наполеона не болѣе 200.000 человѣкъ войска. Значитъ, по

обыкновенному, ариѳметическому расчету, — она была въ три раза слабѣ великой арміи Наполеона. Однакоже, не смотря на значительную, повидимому, слабость силъ нашей арміи,—Наполеонъ сразу же почувствовалъ, что съ Россіей не такъ легко воевать, какъ съ другими народами, которыхъ онъ доселѣ побѣждалъ... Уже первыя схватки подѣ Витебскомъ и Смоленскомъ показали, что съ нимъ сражаются не просто солдаты, а какіе то львы. Битва подѣ Бородиномъ еще болѣе убѣдила его въ этомъ. „Изъ всѣхъ моихъ сраженій—самое ужасное то, которое я далъ подѣ Москвою,—говорилъ впоследствии Наполеонъ,— французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе приобрѣли право назваться непобѣдимыми“. Въ этомъ сраженіи—съ обѣихъ сторонъ, пало до 100.000 человѣкъ.

Вамъ, конечно, извѣстна дальнѣйшая судьба Наполеона и его великой арміи: сперва сожженная Москва ожидала великую армію и Наполеона, а затѣмъ—голодь и обратное шествіе изъ Москвы, обратившееся вскорѣ въ повальное бѣгство великой арміи и самого Наполеона, затѣмъ Ватерлоо, Мальта и, наконецъ, островъ св. Елены... „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, — сказала какъ то Наполеонъ. Да, это была правда; онъ и самъ испыталъ это на себѣ.

Что же собственно создало такое положеніе, что Россія, повидимому, съ слабыми силами—одержала, однакоже, побѣду надъ великимъ полководцемъ и его великой арміей и покрыла себя славой передъ всѣмъ міромъ?

Прежде всего—*вѣра въ Бога, вѣра въ Промыслъ Божій*. Эта вѣра и не посрамила насъ... „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“,—вотъ былъ кличъ народный въ это время, какъ и въ другія тяжкія времена исторической жизни русскаго народа. Русскій народъ хотя и согрѣшалъ, но всегда и каялся, и Господь прощалъ грѣхи наши и простиралъ свою руку надъ главами нашими. Затѣмъ—*патріотизмъ* русскаго народа, т. е. любовь къ своей родинѣ, къ своему отечеству, къ своимъ нравамъ и обычаямъ, къ своему языку, къ своей національной святынѣ... Патріотизмъ связывалъ тонкими, но крѣпкими связями каждаго воина съ своимъ народомъ, со своей землей,—удвоялъ и утраивалъ его энергію, его мощь въ борьбѣ съ пришельцами, покупавшимися на его самобытность и на его національную независимость.

За симъ—слѣдовала еще и прекрасная выправка русскаго воина. Вѣдь большая часть русскаго тогдашняго войска и его вождей—были *выученники* незабвеннаго Суворова; здѣсь, въ средѣ арміи нашей, были и его „чудо-богатыри“, съ которыми онъ совершалъ свои многочисленныя по-

ходы: *это были, можно сказать необинуясь, войны самой высокой пробы...* Они не знали другой тактики, кромѣ тактики *побѣдить или умереть*. Сдаваться живыми врагу — они не были научены.

Наконецъ, — въ резервъ, стоялъ за войсками весь народъ съ своимъ Царемъ-Помазанникомъ во главѣ, — все, и старыя и малыя, и женщины и дѣти... Отъ Царя до послѣдняго крестьянина — все это было объято однимъ чувствомъ, одной вѣрой, однимъ стремленіемъ... „Народъ русскій, — зывалъ Императоръ Александръ, — храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь все: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“!.. „Не унывай, — сказали ему въ Москвѣ, видишь сколько насъ въ одной Москвѣ; а сколько же во всей Россіи! Все умремъ за Тебя“!

Вотъ тѣ условія, которыя содѣйствовали побѣдѣ русской арміи надъ великой арміей Наполеона! У арміи Наполеона, кромѣ громадной силы вѣшней и пустого тщеславія — не было ничего подобнаго.

Псалмонѣвецъ говоритъ: *помянухъ дни древнія и поучихся*. Какой же назидательный урокъ для себя можемъ и мы извлечь изъ этихъ историческихъ воспоминаній?..

Первый урокъ должны мы извлечь для себя тотъ, что безъ вѣры въ Бога и въ Промыслъ Божій не можетъ быть успѣха нигдѣ и ни въ чемъ. *Господь научаетъ руку наши на ополченіе и персты на брань* (Псал. 143, 1), т. е. люди сражаются, а Онъ даетъ побѣду. Поэтому, надобно всегда заботиться, чтобы быть достойными этой милости Божіей. Должно, поэтому, всегда возгрѣвать въ себѣ чувство вѣры и знать, что Господь все видитъ, все слышитъ, все знаетъ, — что не только дѣла наши, но и мысли наши ему вѣдомы, — что съ смертію жизнь наша не кончается, а что посѣемъ въ сей жизни, то пожнемъ тамъ, въ другой, въ вѣчной. *Двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать*, — говорить русскій народъ; поэтому надобно смѣло смотрѣть смерти въ глаза. При такой вѣрѣ и при такомъ представленіи себѣ будущей жизни — невозможна трусость, невозможны позорныя сдачи въ плѣнъ... Надобно воспитывать въ себѣ это чувство постоянными релігіозными упражненіями, надобно любить св. Церковь и чувствовать себя неразрывно съ нею, — надобно всегда быть въ духовномъ союзѣ не только съ живыми членами Церкви, но и уже съ отшедшими въ жизнь вѣчную. И по вѣрѣ вашей будетъ вамъ...

Второй урокъ — любить свой народъ, свою родину, свое отечество, свой языкъ, свои нравы и обычаи, а не размѣнивать себя на всякую интернаціональную мелочь, — особенно надобно избѣгать космополитизма, по которому *ibi bene — ibi patria*,

т. е. гдѣ хорошо — тамъ и отечество. Нѣтъ, надобно любить свой народъ со всеми его недостатками и свою землю со всеми ея убожествомъ. Космополитизмъ обезличиваетъ человѣка, дѣлаетъ его дряблымъ, и скорѣе эгоистомъ, нежели альтруистомъ. *Сама природа человѣческая протестуетъ противъ космополитизма въ такъ называемой „тоскѣ по родинѣ“*... Человѣкъ, живущій долго за границей, въ чуждой ему средѣ, испытываетъ это болѣзненное чувство. Нельзя любить чуждаго намъ человѣка болѣе, чѣмъ отца и мать. Самъ Христосъ Спаситель пришелъ прежде всего ко овцамъ погибшимъ дому Израилева, а затѣмъ уже — и ко всемъ другимъ народамъ. Ап. Павелъ говоритъ, что *кто не печется о своихъ, паче же о присныхъ, тотъ въры отвергся и хуже язычника* (1 Тим. 5, 8). Апостолъ Павелъ такъ любилъ свой народъ, что готовъ былъ пожертвовать собственнымъ спасеніемъ, только бы былъ спасенъ Израиль (Рим. 9, 1—6). *Вотъ безпримѣрный примѣръ любви къ своему народу!* Какими же, послѣ всего этого, кажутся безсмысленными разсужденія космополитовъ и ихъ поклонника, графа Л. Толстого!

Третій урокъ — сохранять лучшія завѣты и традиціи русской арміи, — *особенно же Суворовскія традиціи*. Наша армія всегда сильна была своей желѣзной дисциплиной, своею выносливостью всякаго рода невзгодъ и лишеній, своей отвагой и храбростью, своей вѣрой въ непобѣдимость. Для нея никогда не существовало никакихъ препятствій. Въ ней и самый послѣдній солдатъ выглядѣлъ героемъ. И это было не только въ 1812 и 1813 г.г., но и въ позднѣйшее время, особенно въ Крымскую кампанію. Читайте военныхъ историковъ, напр. Данилевскаго, Богдановича и др., — и вы сами увидите, что за чудо-богатыри были наши Христолюбивые воины. Старайтесь и себя приучать не къ роскоши и изгнѣженности, не къ прихотливости вкуса и всякаго рода дурнымъ привычкамъ, — а къ выносливости всякаго рода лишеній и невзгодъ, къ цѣломудрію до аскетизма, — словомъ *закаляйте себя во всемъ*. Суворовъ всегда и ѣлъ, и пилъ, и спалъ — по солдатски. Гдѣ бы онъ ни былъ — во дворцѣ ли, или въ простой лачугѣ, — его деньщикъ *Прошка* всегда таскалъ за нимъ его тюфякъ, соломой набитый, и все незагнѣивыя принадлежности его скромнаго туалета. Будьте и вы такими, и все солдаты полюбятъ васъ, какъ любили Суворова, и вы будете способны совершать великія дѣла, при единомысліи и единодушій со своими подчиненными... Не слушайте тѣхъ, кто говоритъ вамъ о другомъ образѣ жизни, о другихъ привычкахъ, — особенно, не отдѣляйте себя отъ своихъ подчиненныхъ. Будьте всегда образцомъ во всемъ и для всѣхъ, или, выражаясь словами приснопамятнаго адмирала Нахимова, — *учите солдатъ не приказомъ, а показомъ*.

Будьте всегда преданы своему Государю, который есть не Правитель только, а Помазанный Божій, сердце котораго въ руцѣ Божіей.

Прискорбно мнѣ было слышать совѣтъ другія рѣчи отъ нѣкоторыхъ лицъ о войнѣ и воинской доблести: очевидно, все это явилось результатомъ чтенія анархистскихъ книгъ, въ родѣ, напр., сочиненій графа Толстого. Не дай Богъ, чтобы эти рѣчи доходили и до вашего слуха, а еще болѣе—до вашего сердца! Блюдайте себя отъ всѣхъ сихъ наводженій!

Мы пока живемъ на мирномъ положеніи, но Богъ знаетъ, что можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ. *Егда рекуть миръ и утверждение, говоритъ апостолъ, — тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство* (1 Сол. 5, 3). Уже слышатся раскаты грома на Балканахъ; Богъ знаетъ, что будетъ и здѣсь, вблизи насъ. Надо, поэтому, *вспомнить намъ, — не однимъ только караульнымъ—не спать, не дремать, царскую службу исполнять...*

Пресвятая Дѣва Марія, небесному заступленію которой вручены вы и храмъ сей, всегда была заступницей за родъ христіанскій и за наше отечество. И въ 1812 году ея чудотворная икона, *Смоленская*, которую носили передъ Бородинскимъ боемъ,—вселяла мужество въ сердца воинства нашего и содѣйствовала побѣдѣ нашей надъ врагомъ. Будемъ же это помнить и будемъ всегда усердно молиться ей, да покрываетъ она выпу народъ русскій и все воинство наше честнымъ своимъ омофоромъ,—*Аминь.*

НИКОЛАЙ, Архіепископъ Варшавскій.

1912 г. 1 Октября.
Варшава.

Границы познанія.

Наше время считается временемъ умственного и нравственного растлѣнія. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только проповѣдники вѣры и нравственности съ церковной кафедры, не только свѣтскіе писатели-моралисты на страницахъ журналовъ, газетъ и отдѣльныхъ сочиненій,—но еще болѣе и убѣдительнѣе говорятъ объ этомъ факты обыденной жизни, которые мы наблюдаемъ, о которыхъ слышимъ и читаемъ. Не нужно приводить отдѣльныхъ примѣровъ этому. Достаточно, если мы напомнимъ, что кумирами нашего поколѣнія являются: какъ моралистъ — Л. Толстой, какъ философъ—Ф. Ницше, какъ писатель—Андреевъ, Арцыбашевъ и др. Растлѣнное время, говорятъ многіе,—растлѣнное поколѣніе!—и вспоминаютъ при этомъ, что подобное

состояніе въ человѣчествѣ отмѣчается Господомъ, какъ признакъ близости страшнаго суда, ибо дальше не потерпитъ Богъ

Дѣйствительно, для человѣка чувствующаго, особенно для христіанина, было бы слишкомъ больно сознавать эту грустную наличность забвенія человѣкомъ всего не только божескаго, но и человѣческаго; видѣть, какъ человѣкъ—сознательно и никѣмъ, кромѣ собственныхъ животныхъ инстинктовъ не побуждаемый,—охотно и даже бравирюя,—совлекаетъ съ себя одежду богобоязненности, скромности, цѣломудренности,—все это стѣсняетъ,—и остается въ безстыдной наготѣ рабомъ животной своей природы. Однако, справедливо будетъ отмѣтить, рядомъ съ указаннымъ направленіемъ въ обществѣ, и другое, не менѣе замѣчательное, но зато ужъ гораздо болѣе утѣшительное: это—усиленное увлеченіе религіозными вопросами, хотя исключительно почти на почвѣ чистой философіи и психологіи, а не богословія. Издаются спеціальныя по этимъ вопросамъ журналы, печатаются коллективные сборники, создаются на этой почвѣ общества, а также содружества учащихся, уставомъ которыхъ предусматривается, между прочимъ, и обменъ мнѣній по религіозно-нравственнымъ вопросамъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время, и это было бы очень утѣшительно, если бы не отмѣченная нами тенденція судить о нравственныхъ и даже религіозныхъ вопросахъ не съ точки зрѣнія богословія, а съ точки зрѣнія философіи и психологіи. Относительно Церкви съ ея догматикой и обрядностью—устанавливаютъ такой взглядъ, что она-де свое дѣло сдѣлала, но теперь ея время прошло, и она является не движущимъ стимуломъ въ прогрессивномъ шествіи просвѣщенія и цивилизаціи, а, наоборотъ, задерживающимъ, тормозящимъ. Самое Свящ. Писаніе, не говоря о Ветхомъ Заветѣ, съ которымъ вовсе не хотятъ считаться, но и Евангеліе—принимается постольку, поскольку оно не противорѣчитъ основнымъ положеніямъ философіи и этики. Эти послѣднія, какъ созданія и продукты человѣческаго разума,—являются и исходнымъ пунктомъ и завершеніемъ мысли человѣческой. На нихъ указывая, человѣкъ гордо говоритъ: „это—мое!“ и, въ самонадѣянности, не хочетъ замѣчать, что это очень немного, а то такъ и совѣмъ ничего. Чѣмъ раньше жило человѣчество, въ чемъ видѣло свою и философію и этику, и космологію—Божественное Откровеніе—не удовлетворяетъ современнаго человѣка. То слишкомъ, по дѣтски наивное, то чудесное и потому, будто бы, невозможное, то непостижимое въ своей глубинѣ,—въ общемъ Божественное Откровеніе ставитъ присущую разуму пытливость въ извѣстныя рамки, а этого именно и не хочетъ вынести гордый человѣкъ. Поистинѣ на добрую почву упало дьявольское искушеніе пер-

вобытному человѣку. *Будете какъ боги*, обѣщаль онъ, и вотъ человѣкъ не перестаетъ взбираться, цѣпляясь слабыми руками, чтобы вкусить отъ древа познанія, — но чѣмъ выше взберется, тѣмъ ужаснѣе бываетъ его паденіе.

Эмансипація разума, свобода судить обо всемъ, не стѣсняясь какими бы то ни было авторитетами — ни Божескими, ни человѣческими, это — давнее стремленіе человѣка, и человѣчество, поскольку помнить себя мало-мальски культурнымъ, — выражало это стремленіе въ лицѣ наиболѣе одаренныхъ своихъ представителей. Уже философы древности высмѣивали народную религію и низводили боговъ съ Олимпа. Что умъ силится понимать, осмысливать явленія — это естественно и понятно, но когда онъ стремится постигнуть все, что только ни представляется ему въ формѣ идеи, — тогда получается своеобразная трагедія, а человѣкъ въ ней какъ герой съ картоннымъ мечемъ, которымъ можно только махать, но разрубить ничего нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, ограниченъ ли умъ человѣскій въ познаніи или же нѣтъ ему границъ, какъ нѣтъ предѣловъ его пытливости? Если вѣрно послѣднее, — тогда, быть можетъ, и правъ человѣкъ, рассчитывая только на свои силы; если же нѣтъ, — тогда будетъ благородно признать ограниченность ума своего и не пытаться *конечнымъ* постичь *безконечное*, а также не отвращаться отъ источника, предлагающаго ему эту высшую мудрость. Мы обсудимъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія той самой философіи, для которой, будто бы, нѣтъ ничего непостижимаго, какъ думаютъ люди верхоглядствующіе и не серьезно образованные.

II.

Почти на зарѣ философіи, когда юный еще умъ человѣскій только начиналъ свои попытки летать на собственныхъ крыльяхъ, — явилось и сомнѣніе въ возможности познать истину. Уже учитель Сократа, философъ Анаксагоръ Клазоменскій, утверждалъ, что помощью разума мы можемъ не болѣе, какъ ознакомиться съ истиной; чувства же наши въ этомъ отношеніи совершенно недостоверны и обманываютъ насъ на каждомъ шагу. Опустяте въ сосудъ воды каплю цвѣтной жидкости: вода окрашена, но наши чувства и не подозрѣваютъ этого. Снѣгъ представляется намъ бѣлымъ, но онъ не можетъ быть такимъ, такъ какъ вода, изъ которой онъ происходитъ, темнаго цвѣта. Очевидно, вещи для каждаго человѣка таковы, какими ему кажутся. Извѣстна его жалоба: „нельзя ничего знать, нельзя ничему научиться, нѣтъ ничего вѣрнаго, чувства ограничены, умъ слабъ, жизнь коротка“. Извѣстно также мнѣніе Демокрита Абдеритскаго, что „нѣтъ ничего вѣрнаго, а если и есть, то оно не доступно намъ“. Говорили, будто бы онъ выжегъ себѣ глаза, чтобы не обманываться

ложными представленіями и въ спокойствіи упражнять свой разумъ. *Согнсты* утверждали, что человѣческой умъ совершенно не способенъ къ отысканію истины, въ силу своей зависимости отъ человѣческой организациі или отъ условій, при которыхъ онъ дѣйствуетъ. Даже если бы истина случайно и открылась ему, онъ не могъ бы быть увѣренъ въ обладаніи ею, такъ какъ у него нѣтъ критеріума для распознаванія ея. Въ силу этихъ же соображеній, они отвергали и нравственность, говоря, что такъ какъ нѣтъ мѣрила добра и зла, — наши идеи о добрѣ и злѣ или чисто условны, или выработаны воспитаніемъ; что совѣсть есть только фикція и, въ крайнемъ случаѣ, обязана своимъ происхожденіемъ тому же воспитанію и является созданіемъ нашего общественнаго состоянія. Расцвѣтъ греческой философіи, въ лицѣ Сократа и Платона, заключился также безотрадно. Многочисленность философскихъ школъ, взаимно противорѣчивыхъ и другъ друга высмѣивающихъ, отупленіе всѣхъ вообще предъ абсолютной истиной, — все это обезкураживало жалкаго, самонадѣяннаго человѣка и побуждало скептически относиться къ самымъ попыткамъ философски что либо обосновать. Возникла школа *скептиковъ*, основатель которой Пирронъ повторялъ старое уже мнѣніе, что разумъ человѣка не обладаетъ критеріумомъ истины ни въ области чувства, ни въ области ума, ни въ области нравственности, — что достигнуть знанія бытія, руководясь знаніемъ явленій, — нельзя, и что добродѣтель и счастье состоятъ, поэтому въ полномъ спокойствіи и свободѣ отъ всякихъ умственныхъ волненій. Отсюда былъ одинъ шагъ до философіи наслажденія *эпикурейцевъ*, приглашавшихъ поучиться у животныхъ искать наслажденій и избѣгать опасностей.

Д. В. Дрэнперъ, извѣстное сочиненіе котораго объ исторіи умственнаго развитія Европы представляетъ массу матеріала по интересующему насъ вопросу, — заканчиваетъ обзоръ греческой философіи такими словами: „умозрительная философія натывается, наконецъ, на препятствіе, которое она не въ силахъ преодолѣть. Таково ея положеніе и въ настоящее время: она постоянно отражается отъ стѣны, которая служитъ конечною границею для всѣхъ ея усилій, безъ всякой надежды когда либо перейти ее.“ Положимъ, Дрэнперъ, говоря такъ, имѣетъ въ виду только философію умозрительную и, какъ матеріалистъ чистой крови, возлагаетъ тѣмъ болѣшія надежды на экспериментальную философію, или науку въ точномъ смыслѣ. Но мы дальше увидимъ, насколько основательны эти надежды, и является ли *опытъ* болѣе надежнымъ орудіемъ въ поискахъ абсолютной истины, чѣмъ чистое умозрѣніе.

Въ общемъ, философія древности (до Платона и Аристотеля) была скорѣе физикой и математикой,

чѣмъ философій въ пышномъ значеніи слова. Этика существовала только въ формѣ изреченій извѣстныхъ мудрецовъ, а теорія знанія вовсе отсутствовала. Необходимость теоріи познанія впервые сознали софисты и Сократъ, а философски обосновать пытались Платонъ и Аристотель. Оба они исходили изъ того, что нормальной формой знанія является *понятіе*, какъ общее, которому подчиняется все частное, но на этомъ и кончалось единомысліе обоихъ философовъ. Уже въ отношеніи происхожденія понятія оба держались противоположныхъ точекъ зрѣнія, выводя—одинъ частное изъ общаго, какъ изъ своего содержанія (дедуцируя), другой отвлекая (индуцируя) общее изъ частнаго, какъ изъ своего объема. Въ то время какъ Платонъ, руководясь дедуктивной формой знанія, признавалъ *единство* бытія и единство высшаго блага,—Аристотель помощью индуктивнаго метода доказывалъ принципъ *множественности*. Первый признаетъ истинное знаніе врожденнымъ, (т. е. содержащимся уже въ первоначальномъ единствѣ разума), а второй видитъ во всякомъ знаніи пріобрѣтенное (отвлеченное отъ первоначальной множественности помощью опыта). Какъ видимъ, Платонъ идеализировалъ чистое познаніе и не довѣрялъ опыту, тогда какъ Аристотель, наоборотъ, считалъ краеугольнымъ камнемъ истиннаго познанія именно опытъ. Такимъ путемъ создались въ философіи два течения, характерныхъ въ ней и до нашего времени. Многочисленные послѣдователи и цѣлыя школы, созданныя великими философами, распространяли съ одинаковымъ рвеніемъ ту и другую систему. Однако, въ скорости философія Платона, какъ слишкомъ идеальная и не имѣющая опоры въ чувственномъ опытѣ, перешла постепенно въ скептицизмъ, который стремился достигъ высшаго блага—душевнаго спокойствія—путемъ даже отказа отъ всякаго знанія; философія же Аристотеля, благодаря распространенію знанія на всѣ сферы опыта, совпала съ положительными науками (въ частности—съ естествознаніемъ). Такимъ образомъ, оказалась непроходимая пропасть между чувственнымъ и сверхчувственнымъ міромъ, и еще философія древности, въ послѣднемъ своемъ періодѣ (Плотинъ, неоплатоники), видѣла необходимость и силилась создать мостъ надъ этой пропастью, отчасти путемъ постепеннаго восхожденія отъ чувственнаго къ сверхчувственному созерцанію, вплоть до мистическаго отождествленія конечнаго съ безконечнымъ, отчасти путемъ постепеннаго умерщвленія чувственности,—послѣднее впрочемъ, уже вездѣ на религіозной почвѣ (аскетизмъ).

Иеромонахъ ЮСИФЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Празднованіе столѣтняго юбилея Отечественной войны въ Варшавскомъ духовномъ Училищѣ.

11-го сего октября, согласно опредѣленію Св. Синода отъ 1—24 мая 1912 г. за № 3967, въ Варшавскомъ духовномъ Училищѣ состоялось празднованіе столѣтняго юбилея Отечественной войны. Наканунѣ въ 5 часовъ вечера въ Крестовую Архіерейскую Церковь собрались служащіе и учащіеся духовнаго училища, а также двухъ церковно-приходскихъ школъ—мужской Архіерейскаго дома и женской кафедральнаго собора, и былъ совершенъ въ присутствіи Высокопреосвященнѣйшаго Николая, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго, и Платона, Архіепископа Сѣверо-Американскаго и Алеутскаго, при общемъ пѣніи учениковъ парастасъ, по окончаніи котораго Высокопреосвященный Платонъ преподавъ учащимся благословеніе. Въ самый день празднованія, къ 8½ часамъ утра, въ Крестовую церковь прибылъ Высокопреосвященнѣйшій Николай и въ сослуженіи ключаря Собора прот. Н. Шингарева, секретаря Архіепископа Иеромонаха Иосифа, духовника духовнаго училища свящ. Іоанна Блыскоша и Иеромонаха Крестовой церкви Иларіона совершилъ, при пѣніи хора пѣвчихъ и общемъ пѣніи учениковъ, Божественную литургію и благодарственное молебствіе. Предъ началомъ молебна Его Высокопреосвященство обратился къ учащимся съ Архипастырскимъ словомъ, въ которомъ живыми и доступными дѣтскому пониманію словами изложилъ исторію и значеніе празднуемаго событія. Въ 12 часовъ дня Высокопреосвященнѣйшій Николай прибылъ въ училищное общежитіе на торжественный актъ, состоявшійся по программѣ, утвержденной Его Высокопреосвященствомъ. Его Высокопреосвященству благоудно было прослушать исполненіе всей программы акта, затянувшася до двухъ часовъ. Послѣ пѣнія гимна „Боже, Царя храни“ Архипастыръ, преподавъ присутствующимъ благословеніе, отбылъ въ свои покои. Проводивъ Архипастыря, училищное начальство раздало учащимся подарки, состоящіе изъ юбилейныхъ книгъ и сластей, пріобрѣтенныхъ на пожертвованія Его Высокопреосвященствомъ изъ личныхъ средствъ деньги.

Предъ началомъ акта, Смотритель училища, П. Е. Кедровичъ, обратился къ учащимся съ слѣдующимъ словомъ:

Учащаяся братія!

Къ вамъ обращаю вступительное слово по поводу настоящаго собранія. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, во время отечественной войны, многочисленная армія французскаго Императора Наполеона, залетая нашимъ полководцемъ Кутузовымъ

въ сожженной Москвѣ, принуждена была оставить Москву, начать свое отступленіе, во время котораго почти все и погибла. Для празднованія 100-лѣтняго юбилея этого событія и всей отечественной войны мы и собрались сегодня сюда послѣ благодарственныхъ молитвъ въ Церкви. Не стану рассказывать о всемъ значеніи для Россіи воспоминаемаго событія. Я хочу только подѣлиться съ вами однимъ своимъ настроеніемъ, которое я самъ вынесъ изъ школы объ этомъ событіи. Хотя это невозвратное время и давно было, но въ душѣ моей до сихъ поръ сохранилась скорбь о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытала наша святая Церковь во время вражескаго нашествія Наполеона. Историки согласно говорятъ, что армія Наполеона несла грозную опасность нашей Церкви. Во время пребыванія этой арміи въ Москвѣ, Св. Храмы Московскіе подверглись кощунственному поруганію и грабежу, а священно-служители храмовъ жестокимъ истязаніямъ. Въ историческомъ очеркѣ нашего Архiepастыря (подаренныя Владыкою книжки этого очерка мы вамъ раздадимъ) вы найдете свидѣтельство, что, при отступленіи изъ Москвы арміи Наполеона, цѣлыя полки ея были одѣты въ церковныя облаченія, награбленныя въ Московскихъ храмахъ. Друзья мои! Св. Церковь наша есть наша мать, а всякія бѣды, испытанныя или испытываемыя матерью, увеличиваютъ любовь къ ней вѣрныхъ дѣтей; посему да послужитъ настоящее празднованіе къ усиленію вашей преданности Св. Церкви и готовности служить ей до послѣднихъ дней своей жизни.

Чтеніе объ историческомъ значеніи отечественной войны предложено было преподавателемъ училища Н. Одинцовымъ.

Протоіерей Михаилъ Антоновичъ Добрянскій.

4 октября, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, мирно почилъ въ Варшавѣ, достигнувъ предѣла человѣческой жизни (75 лѣтъ), одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей Варшавской епархіи, настоятель Кѣлецкаго собора Протоіерей Михаилъ Антоновичъ Добрянскій, въ свое время видный церковный дѣятель нынѣ окончательно возрожденной Холмской Руси.

Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся дѣятелей, трудами и энергіею которыхъ подготовлено возсоединеніе Холмскихъ униатовъ въ православную Церковь и Холмская Русь приобщена къ общерусской жизни. Уроженецъ австрійской Галиціи, родственной и близкой сосѣдней Холмщинѣ и по этнографическому составу и по преданіямъ и вѣрованіямъ, всей душой преданный русской народности и греко-восточному обряду своихъ предковъ, онъ по переселеніи въ

Холмскую Русь всего себя отдалъ на служеніе родному населенію этого древне-русскаго края, много потрудился надъ его религиознымъ и національнымъ возрожденіемъ. Въ высшей степени скромный, мягкій и добрый, спокойный и разсудительный, миролюбивый и благожелательный, усопшій о. Михаилъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для продуктивной работы, и былъ весьма полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Прекрасный организаторъ, неутомимый работникъ, онъ умѣло направлялъ и успѣшно выполнялъ всякое, поручавшееся ему дѣло. Дѣятельность его была въ высшей степени плодотворной во всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ должностяхъ, которыя онъ занималъ.

Родился о. Михаилъ въ 1837 г. Высшее образованіе получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ, который и окончилъ въ 1860 г. 28-го октября 1862 г. рукоположенъ въ санъ священника и первоначально служилъ въ Перемышльской епархіи. Въ 1868 году, одновременно съ Епископомъ Михаиломъ Куземскимъ, Протоіерейми Іоанномъ Гошовскимъ и Игнатіемъ Гойнацкимъ, перешелъ въ Холмскую греко-униатскую епархію и занялъ скромную должность священника въ селѣ Спасѣ, недалеко отъ Холма. То было время лихорадочной преобразовательной работы въ Холмской епархіи по очищенію греко-униатскаго обряда отъ латинскихъ новшествъ и по насажденію въ колонизованномъ населеніи Холмщины русскаго національнаго просвѣщенія. Въ своемъ селѣ о. Михаилъ явился дѣятельнымъ участникомъ этого религиознаго и національнаго движенія. Когда же, по оставленіи въ 1871 году Еп. Куземскимъ Холмской епархіи и назначеніи Администраторомъ Холмской епархіи Протоіерея Маркела Попеля, о. Михаилъ перемѣщенъ былъ въ Холмъ, онъ сразу же очутился въ самомъ водоворотѣ кипучей преобразовательной дѣятельности въ Холмщинѣ. 28-го іюля 1871 года онъ былъ назначенъ законоучителемъ Холмской русской для греко-униатовъ гимназіи, преподавателемъ духовной семинаріи и членомъ Холмской Консисторіи. Въ Консисторіи подъ руководствомъ Маркела Попеля шла оживленная подготовительная работа по присоединенію Холмской униатской епархіи къ православной Церкви, а въ семинаріи вырабатывался новый, утвержденный въ 1874 году, уставъ, имѣвшій цѣлью устранить изъ нея послѣдніе остатки католичества и полонизма и сдѣлать это учебное заведеніе расадникомъ русскаго духовнаго просвѣщенія въ край Холмскомъ. О. Михаилъ преподавалъ въ семинаріи сначала пастырское богословіе, а затѣмъ церковную исторію. Какъ добросовѣстный работникъ, искренно сочувствовавшій обновленію Холмщины, о. Михаилъ и въ это время дѣятельно тру-

дился надъ проведеніемъ русскихъ началъ въ жизнь и строй семинаріи. Но особенно широкою и плодотворною стала его дѣятельность, когда, по соединеніи Холмской епархіи съ православною Церковью, онъ назначенъ былъ 28-го октября 1877 года, ровно черезъ 15 лѣтъ по принятіи священства, на отвѣтственную должность ректора уже православной Холмской семинаріи. 5-го августа 1877 года вышелъ въ отставку, по прошенію, ректоръ Протоіерей Ипполитъ Криничій и преемникомъ его избранъ былъ о. Михаилъ. Изъ тогдашняго преподавательскаго персонала семинаріи и вообще изъ всѣхъ Холмскихъ дѣятелей того времени самымъ подходящимъ лицомъ для должности ректора былъ о. Михаилъ Добрянскій. Помимо педагогическихъ дарованій и высокихъ нравственныхъ качествъ, онъ обладалъ еще и административнымъ тактомъ, необходимымъ руководителю семинаріи, особенно въ то переходное для нея время. Холмская семинарія того времени не могла считаться устроенною и удовлетворяющею нуждамъ епархіи. Она была трех-курсовой и состояла изъ однихъ только богословскихъ отдѣленій. Число учащихся въ ней было ограничено (40 чел.) и составъ ихъ былъ случайный. Въ нее поступали мѣстные уроженцы съ свидѣтельствами объ окончаніи мѣстныхъ 7-миклассныхъ классическихъ гимназій, уроженцы Галиціи, окончившіе австрійскія гимназій, а съ 1876/7 учебного года и воспитанники русскихъ духовныхъ семинарій. Настоятельно необходимо было для нуждъ Холмско-Варшавской епархіи и расширить семинарію и преобразовать ее въ шестиклассную по образцу имперскихъ, чтобы дать возможность обучаться въ ней если не исключительно, то преимущественно мѣстнымъ уроженцамъ. Преобразование Холмской семинаріи по уставу русскихъ началось съ 1882/3 учебного года и закончилось въ 1888 году. Одновременно возбуждено было и получило движеніе дѣло и о постройкѣ новыхъ семинарскихъ зданій. Въ это время ректоръ семинаріи, о. Михаилъ не мало понесъ труда, не мало пережилъ тревогъ и волненій. Помимо сложнаго дѣла общаго руководства жизнью семинаріи, онъ, за отсутствіемъ достаточнаго числа штатныхъ преподавателей, наравнѣ съ прочими паставниками несъ и учительскія обязанности, преподавалъ послѣдовательно и латинскій языкъ, и основное богословіе, и Св. Писаніе. Не входя въ мелочи и подробности дѣла, ограничивая преподаваніе существенно нужнымъ и важнымъ, о. Михаилъ излагалъ предметъ ясно, просто, опредѣленно и достигалъ всегда хорошихъ результатовъ. Но для характеристики его высокой личности и плодотворности его педагогической работы неизмѣримо важнѣе то благотворное нравственное вліяніе, которое онъ оказывалъ на своихъ питомцевъ. Мы имѣемъ неоспоримыя фактическія данныя, краснорѣчивѣе словъ свидѣтель-

ствующія о его добромъ вліяніи на воспитанниковъ. Вотъ плоды педагогической дѣятельности о. Михаила. Всѣ воспитанники первыхъ двухъ выпусковъ преобразованной Холмской семинаріи, прошедшихъ семинарскій курсъ подъ его ближайшимъ руководствомъ, исключая двухъ, посвятили себя пастырскому служенію. Да и эти два ушли не на сторону, а до сихъ поръ состоятъ на духовно-учебной службѣ, продолжаютъ, слѣдовательно, то дѣло, которому служилъ о. Михаилъ. Изъ 18 воспитанниковъ второго выпуска о. Михаила (1889 года) шесть окончили духовную Академію, и одинъ изъ нихъ Епископъ и четыре—священнослужители Варшавской епархіи. Для воспитателя юности не можетъ быть лучшей награды, какъ вѣрность его учениковъ тому призванію, которое онъ имъ внушалъ. И разгадку этого добраго вліянія о. Михаила нужно искать не въ чемъ иномъ, какъ въ его глубокой проникновенной религиозности, въ его благоговѣйномъ отношеніи къ пастырскому служенію, въ его, наконецъ, высокомъ нравственномъ настроеніи. Онъ былъ воистину служитель Божій, добрый пастырь стада Христова. Оставилъ онъ семинарію, вышелъ вслѣдъ за нимъ и достойный его соратникъ, присто-памятный Протоіерей о. Игнатій Гойнацкій, человекъ рѣдкаго благородства и душевной прямоты, и началось бѣгство изъ семинаріи, ея воспитанниковъ. И сейчасъ во всѣхъ вѣдомствахъ можно найти бывшихъ Холмскихъ семинаристовъ, но меньше всего во священствѣ.

20 сентября 1889 г. о. Михаилъ оставилъ семинарію и перешелъ на должность законоучителя Холмской мужской гимназій,—на ту самую должность, въ которой онъ и началъ свою службу въ Холмѣ. Три года онъ состоялъ въ этой должности и во все это время былъ самымъ популярнымъ лицомъ въ Холмской педагогической средѣ, пользуясь глубокимъ неизмѣннымъ уваженіемъ какъ со стороны своихъ учениковъ по гимназій, такъ и бывшихъ воспитанниковъ—учениковъ семинаріи.

1 октября 1892 г., по прошенію, онъ вышелъ въ отставку по учебному вѣдомству и 1 февраля 1893 г. назначенъ на должность настоятеля Кѣлецкаго собора, въ которой и оставался до самой кончины. Почтенный возрастъ пастыря, сохранившаго бодрость и силу духа, наложилъ печать особой привлекательности на его высокія духовныя качества и они развернулись теперь во всей широтѣ. За девятнадцать лѣтъ его настоятельства въ Кѣльцахъ приходъ Кѣлецкій представлялъ рѣдкую, поучительную картину христіанской любви, мира и согласія. За всѣ девятнадцать лѣтъ не было и тѣни недоразумѣній между настоятелемъ и членами причта, между пастыремъ и пасомыми. Всѣ прихожане составляли одну дружную согласную семью, объединенную любовью къ своему пастырю, въ собственномъ смыслѣ своему духо-

вному отцу и наставнику. Кѣлецкая паства знаетъ, какого дорогого пастыря она лишилась, и съ сокрушеніемъ сердца оплакиваетъ его.

Покойный о. Протоіерей Михаилъ съ удивительною любовью и радушіемъ относился ко всемъ бывшимъ своимъ ученикамъ, безъ исключенія. Въ нихъ онъ видѣлъ дорогихъ своихъ дѣтей и встрѣча съ ними всегда доставляла ему высокое удовлетвореніе. Особеннымъ утѣшеніемъ были для него посѣщенія его учениковъ въ послѣдней предсмертной его болѣзни. Скончался о. Михаилъ съ тою глубокою вѣрою, которою онъ ходилъ въ теченіе всею своей жизни, и неоднократно былъ напутствованъ Св. Тайнами Христовыми. Да упокоитъ его Господь со святыми и да даруетъ ему въ день онъ вѣнецъ правды, который Онъ—Праведный Судія приготовилъ всемъ возлюбившимъ явленіе Его.

Омовеніе тѣла усопшаго и облаченіе его во священныя одежды совершилъ духовникъ и ученикъ усопшаго, священникъ І. Козловскій. Онъ же отиѣлъ и первую панихиду. 5-го октября, въ три часа дня, назначенъ былъ выносъ тѣла изъ лечебницы Сольмана въ Свято - Троицкій соборъ. Послѣ литіи, совершенной Протоіереемъ В. Шингаревымъ, гробъ съ тѣломъ покойнаго поднять былъ священнослужителями, въ большинствѣ учениками усопшаго, и поставленъ на колесницу. По пути шествія совершены были мѣстными причтами литіи у церкви Литовскаго полка и Успенской на Медовой. Въ соборѣ встрѣтилъ тѣло усопшаго Высокопреосвященный Архіепископъ Николай, совершившій въ сослуженіи многочисленнаго сонма Варшавскаго духовенства панихиду и въ концѣ ея прочитавшій разрѣшительную молитву. Послѣ панихиды ученикъ покойнаго, священникъ О. Вячеславъ Ляхоцкій произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Дорогой и незабвенный отецъ ректоръ и добрый наставникъ!“

Поистинѣ пути промысла Божія неисповѣдимы... 42 года назадъ изъ родственной Холмской Руси—Галиціи прибылъ ты въ г. Холмъ полный силъ и энергіи, но скромный душой. Твоей скромности соответствовало и первое мѣсто службы—преподавателемъ духовной семинаріи и священникомъ одного изъ ближайшихъ къ Холму сель. Но ты не могъ долго оставаться незамѣченнымъ, ты былъ отличенъ и черезъ нѣсколько лѣтъ службы поставленъ во главѣ разсадника духовнаго просвѣщенія Холмской Руси. Изъ сельскихъ священниковъ въ ректоры семинаріи — случай едва ли не единственный.

И много ты сдѣлалъ полезнаго на посту ректора. Какъ преподаватель св. писанія, ты изъяснял намъ христіанское ученіе въ апостольскомъ его изложеніи, а какъ преподаватель основнаго богословія, давалъ оружіе противъ антихристіанскаго духа „вѣка сего“. А что сказать о тебѣ,

какъ воспитателѣ духовнаго юношества? Скажу лишь то, что добротой и скромностью въ отношеніи къ другимъ и строгостью къ себѣ ты оказывалъ сильное влияніе на юныя души и этимъ путемъ сдѣлалъ для воспитанія больше, чѣмъ другіе словами и приказаніями.

Наконецъ, велѣніемъ промысла Божія ты былъ поставленъ предстоятелемъ церкви въ г. Кѣльцахъ, гдѣ ты добрымъ пастырскимъ подвигомъ подвизался и теченіе своей многотрудной жизни окончилъ.

И вотъ все это стало достояніемъ времени. Ты лежишь предъ нами бездыханный, въ чужомъ городѣ, не въ своемъ храмѣ. Но вокругъ тебя тѣ, кто высоко цѣнили твои душевныя качества, а особенно твои ученики, подъ священными облаченіями которыхъ бьются любящія и преданныя сердца. Ты у насъ здѣсь лишь печальнымъ гостемъ: кѣлецкая земля пріиметъ твои охладѣвшія останки. А при встрѣчѣ ихъ твои пасомые выразятъ искреннія чувства сожалѣнія и прольютъ по тебѣ слезы, такъ какъ они знаютъ, какого добраго и любящаго пастыря они лишились. Я говорю добраго, такъ какъ ты въ своей жизни вполнѣ оправдывалъ носимую тобою фамилію, и она была у тебя не простымъ только, формальнымъ отличіемъ, но выражала существенную черту твоей души.

Да, много ты поработалъ, и не моему слабому слову изобразить твой трудъ. Ты былъ воистину добрымъ пастыремъ, который училъ свою паству, по апостолу: „словомъ, житіемъ, любовью, духомъ, вѣрою, чистотою“ (1 Тим., IV, 12). И воспитатель ты былъ не обыкновенный, доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что изъ воспитанниковъ твоихъ выпускковъ, кромѣ двухъ, оставшихся въ свѣтскомъ званіи, но состоящихъ на духовно-училищной службѣ, все прочіе носятъ священный санъ; они не уподобились блудному сыну, не ушли „на страну далече“ и не растеряли полученнаго отъ тебя добраго залога, а остались у алтара. Свой воспитательскій секретъ ты унесъ съ собою въ могилу, и это былъ талантъ данный тебѣ отъ Бога. Но особенная твоя заслуга, которая должна быть записана золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи Холмской Руси, въ томъ, что твои воспитанники въ большинствѣ работаютъ въ Холмской Руси. Обширна холмская нива, много труда требуетъ она, и вотъ ты благодатію Божіею извелъ на эту ниву „многи дѣлатели“.

Дорогой почившій! Безжизненно твое тѣло, но живъ твой духъ. Изъ гроба ты поучаешь твоихъ учениковъ и пастырей, подражая тебѣ, право править слово Божественной истины. Дѣлателямъ на нивѣ обуреваемого нынѣ Холмскаго края оставайся завѣтъ твердо хранить вѣру предковъ и поучать въ ней пасомыхъ, внушать имъ любовь къ многострадальному отечеству и ко всему родному, научать доброму, высокому, святому...

За все же совершенное тобою доброе и высокое прійми отъ предстоящихъ, вѣдавшихъ тебя, сердечную признательность, а отъ насъ, твоихъ учениковъ, глубокой земной поклонъ.

Усердно молимъ Господа, чтобы Онъ, удостоившій тебя — добраго пастыря, высокаго воспитателя и сердечнаго человека—блаженной кончины, подалъ тебѣ вѣчный покой и вѣнецъ небесный“.

Послѣ рѣчи свящ. В. Ляхоцкаго произнесъ слово настоятель Успенской, бывшей униатской церкви, священникъ Т. Теодоровичъ.

„Стою у гроба старѣйшаго и достойнѣйшаго пастыря Варшавской епархіи, глубокочтимаго Протоіерея о. Михаила. Здѣтъ есть что сказать, есть что почувствовать не только благодарному ученику, но каждому пастырю, знавшему почившаго, или даже слышавшему о немъ. Печально торжественная колесница съ этимъ гробомъ въ своемъ шествіи къ Собору остановилась передъ Успенской Церковью, гдѣ пастырствовали достойные земляки о. Михаила по родной имъ всѣмъ Галицкой Руси, и мнѣ, пастырю сей Церкви, совершавшему литію, казалось, что я отъ имени своихъ достойнѣйшихъ предшественниковъ по пастырству Успенской Церкви несу прощальный молитвенный привѣтъ земляку-пастырю, дольше ихъ остававшемуся на нивѣ Христовой. Едва шесть лѣтъ я знаю почившаго о. Протоіерея, но слышалъ о немъ давно, отъ его же учениковъ, но уже убѣленныхъ сѣданою, уже пережившихъ шестой десятокъ лѣтъ и вспоминавшихъ о своемъ добромъ учителѣ съ чувствомъ высокой признательности... Въ 1906 году, въ окружномъ собраніи духовенства въ г. Ченстоховѣ, я впервые увидалъ о. Михаила и другаго маститаго о. Луку.... Тогда, передъ ними молодой священникъ, я съ глубокимъ почтеніемъ смотрѣлъ на этихъ—старцевъ пастырей. О. Михаилъ поразилъ меня своей мягкостью, деликатностью, какимъ-то проникавшимъ все его существо благодушіемъ и, помню, радостью, когда я исполнилъ объ его ученикахъ, моихъ шурьяхъ... Я не могъ отказать себѣ въ душевной потребности выразить въ застольной рѣчи привѣтствіе этимъ двумъ старѣйшимъ пастырямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ позже мнѣ привелось быть съ почившимъ Архіепископомъ Никаноромъ въ Кѣльцахъ. Я убѣдился, какимъ высокимъ и всеобщимъ уваженіемъ и любовью пользовался о. Протоіерей среди не только паствы, но и всего городского населенія... Всей душой хотѣлось проникнуть въ тайну этого пастырскаго вліянія, пастырской обаятельности.... Это было время, когда много думали и говорили о сближеніи пастыря съ пасомыми, придумывали разные пути и средства къ тому, и между тѣмъ этотъ большой вопросъ такъ просто разрѣшался

на глазахъ Кѣлецкой паствы, и этой всецѣло объяснялось душевной организаціей, высокими качествами пастырскаго духа настоятеля... Заятый мыслею о лучшемъ приходскомъ устройствѣ, и въ пастырскомъ дѣланіи о. Михаила замѣтивъ путеводныя точки къ лучшему, я съ разрѣшенія Архіепископа, посвятилъ свое застольное слово вѣми чтимому Настоятелю, о. Михаилу, объяснивъ его пастырство и заслуги передъ паствой. Не забуду того единодушнаго сочувствія моей рѣчи, той живой благодарности, которую выражали мнѣ всѣ, начиная съ Губернатора, обнявшаго меня,—за теплыя слова въ честь любимаго пастыря... Но зачѣмъ же ты, нашъ маститый собратъ, оставилъ свою любимую и любящую тебя Кѣлецкую паству?, зачѣмъ ты пришелъ сюда? Страдать, оказалось—и умереть.... Во всякомъ моментѣ жизни воля Божья и переть Его. Ты—избранный пастырь. Господь одарилъ тебя щедро. Кромѣ богатыхъ умственныхъ силъ, Творецъ далъ тебѣ высокое, благородное, мирное сердце, т. е. то, безъ чего нѣтъ пастырства даже при талантливомъ умѣ. Ты развилъ эти Божіи дары, создалъ въ своемъ сердцѣ тотъ очагъ любви, мира, прощенія, который чувствовался вѣми соприкасавшимися съ тобою... Хочется вѣрить, что не напрасно о. Протоіерей—нашъ старѣйшій собратъ—пришелъ къ намъ, и страдалъ на нашихъ глазахъ. Мучительны страданія, но въ нихъ есть своя очищающая и спасающая сила. Не напрасно, такъ торжественно прошелъ почившій по улицамъ Варшавы, собравъ вокругъ своего гроба почти все наше Варшавское духовенство во главѣ съ Архипастыремъ. Не сказалъ бы, никогда не сказалъ бы по своей скромности, но какъ будто говорить лежащій во гробѣ почившій пастырь: все для меня здѣсь кончено, все человѣческое отошло,—передъ вами, собраты, мой пастырскій духъ. Взглядитесь въ него духовными очами, поймите его тайну, научитесь отъ меня пастырству, которое Богъ помогъ воспитать мнѣ въ душѣ не силою только умственнаго знанія, но горячею любовью прощающаго сердца. Такъ говорить моему сознанию почившій о. Михаилъ. Въ нашей памяти жизнь оставляетъ свои слѣды; и люди, отходящіе въ вѣчность, запечатлѣваются какъ болѣе или менѣе свѣтлыя точки на горизонтѣ нашего душевнаго міра. Память о незабвенномъ Протоіерей о. Михаилѣ будетъ для меня свѣтлой точкой, которая неразъ, а у Престола Божія всегда, будетъ привлекать мое сознание, возбуждать мое братское молитвенное чувство.

Иди же, достойный Пастырь, къ своей любимой Кѣлецкой Паствѣ, для послѣдняго прощальнаго привѣта, и для вѣчнаго тамъ упокоенія. Земной тебѣ поклонъ и вѣчная память, нашъ дорогой, маститый собратъ“!

Изъ Свято - Троицкаго собора тѣло усопша-

го, въ предшествіи священнослужителей, перевезено было на Брестскій вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ гор. Кѣльцы, къ мѣсту вѣчнаго его упокоенія.

Протоіерей *В. Шингаревъ.*

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

1 октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, Суворовскій кадетскій корпусъ праздновалъ храмовой праздникъ своей церкви. Божественную литургію въ церкви корпуса совершалъ Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, въ сослуженіи бывшаго настоятеля православной русской церкви въ Баденъ-Баденѣ архимандрита Стефана, ключаря-протоіерея Н. Шингарева и священниковъ В. Лихоцкаго и Г. Мозолева. За литургіей Архіепископъ произнесъ слово о силѣ духа русской арміи и народа во время Отечественной войны 1812 г. Послѣ литургіи совершенъ былъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ съ возглашеніемъ многолѣтій Государю Императору и всему Царствующему Дому, Высокопреосвященному Архіепископу Николаю, Главному Начальнику края, начальствующимъ, учащимъ и учащимся и—вѣчной памяти Государю Императору Александру I, Его сподвижникамъ, вождамъ и воинамъ, въ Отечественную войну павшимъ. По окончаніи богослуженія кадетамъ были розданы проповѣди и книги Архіепископа Николая „Императоръ Александръ Благословенный и его время“ (историческій очеркъ).

5 октября, въ высокаторжественный день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, въ Варшавскомъ православномъ соборѣ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго Высокопреосвященнымъ Николаемъ, Архіепископомъ Варшавскимъ и Привислинскимъ, въ сослуженіи соборнаго и городского духовенства, торжественно совершена была божественная литургія, а послѣ нея молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ Александрѣ Теодоровнѣ и Маріи Теодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу, Алексѣю Николаевичу, и всему Царствующему Дому. Священникъ Т. Теодоровичъ произнесъ слово о патриотизмѣ, освященномъ истинно-религіознымъ сознаніемъ. На богослуженіи присутство-

вали: Главный Начальникъ края, Генераль-Адъютантъ Г. А. Скалонъ, съ супругою, кавалерственною дамою М. I. Скалонъ, помощникъ Варшавскаго Генераль-Губернатора егермейстеръ А. О. Эссенъ, генералы М. И. Стрижевъ, Д. Н. Комаровъ, баронъ Е. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, П. А. Ключевъ и другіе, шталмейстеръ баронъ С. Н. Корфъ, Попечитель учебнаго округа Г. В. Левицкій, Директоръ Канцеляріи Генераль-Губернатора, камергеръ Н. В. Харламовъ, оберъ-полицеймейстеръ П. П. Мейеръ, начальники отдѣльных частей и управленій военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, придворные чины, офицеры Варшавскаго гарнизона и много молящихся.

7 октября, въ недѣлю 21 юю по Пятидесятницѣ, Высокопреосвященный Архіепископъ Николай совершилъ литургію въ Свято-Троицкомъ соборѣ. Поученіе произнесъ Протоіерей Т. Горизонтовъ.

13-го октября, проѣздомъ изъ Петербурга въ Сялу, прибылъ въ Варшаву со скорымъ поѣздомъ въ 12 ч. 8 м. дня Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, д. т. с. В. К. Саблеръ. Встрѣченный на вокзалѣ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Николаемъ и Варшавскимъ духовенствомъ, Оберъ-Прокуроръ отбылъ къ Владыкѣ. Вечеромъ В. К. Саблеръ присутствовалъ въ новомъ Александроневскомъ соборѣ на всенощномъ бдѣніи.

14-го октября, въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ, Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, совершилъ божественную литургію въ Свято-Троицкомъ соборѣ. На маломъ входѣ возведенъ былъ въ санъ протоіерея назначенный настоятелемъ Кѣлецкаго собора священникъ Василій Теодоровичъ. Проповѣдь произнесъ священникъ А. Лицевъ.

Содержаніе: Отдѣлъ I.—Высочайшая телеграмма.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—**Отдѣлъ II.**—Молебенъ о здравіи Наслѣдника Цесаревича.—Рѣчь, сказанная въ Новомъ Соборѣ, по случаю болѣзни Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича.—Бесѣда, сказанная въ Суворовскомъ Кадетскомъ Корпусѣ—въ день Покрова Божіей Матери.—Границы познанія.—Празднованіе столѣтняго юбилея Отечественной войны въ Варшавскомъ духовномъ Училищѣ.—Протоіерей Михаилъ Антоновичъ Добрянскій.—Мѣстныя извѣстія.

Редакторъ, Протоіерей **В. Шингаревъ.**

Дозволено Цензурою—Варшава, 14 октября 1912 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.